

Аполлон Григорьев и цыганы

Столица и усадьба, No 73, 1917

"Наше наследие", 1989, No 4

OCR Бычков М. Н.

В Москве, если "вам хочется звуков, вам хочется выражения для этой неопределенной, непонятной, тоскливой хандры - и благо вам, если у вас есть две, три, четыре сотни рублей, которые вы можете кинуть задаром, - о! тогда, уверяю вас честью порядочного зеваки -вы кинетесь к цыганам, броситесь в ураган этих диких, странных, томительно-странных песен, и пусть тяготело на вас самое полное разочарование, я готов прозакладывать мою голову, если вас не будет подергивать (свойство русской натуры), когда Маша станет томить вашу душу странною песнею, или когда бешеный, неистовый хор подхватит последние звуки чистого, звонкого, серебряного Стешина: "Ах! ты слышишь ли, разумеешь ли?.." Не эван, не эвоэ, - но другое, скажете вы, распустивши русскую душу во всю распахну..."

Так писал в 1847 году в "Московском городском листке" ("Москва и Петербург. Заметки зеваки. 1. Вечера и ночи кочующего варяга в Москве и Петербурге") Аполлон Григорьев, проводя параллель между фантастически мрачным, угрюмым Петербургом 1840-х годов и Москвою.

Колоритная Москва, как всегда и во всем оригинально-стихийная, была колыбелью цыганства. Хоровое цыганское пение стало у нас входить в моду, по преданию, во времена Екатерины Второй. Это были цыганы, вывезенные графом Алексеем Григорьевичем Орловым из Молдавии и поселенные в подмосковном селе Пушкине. Из Москвы цыганское пение разлилось по всей России, и с 20-х годов по 60-е годы прошедшего столетия безумствовала эта песня, покоряя сердца.

Цыганы были как бы составною частью тогдашней русской культуры, являясь виртуозными исполнителями русских народных песен в своеобразном преломлении цыганщины. В Москве цыганы в старые времена составляли необходимую принадлежность всякого гулянья: в Сокольниках, в Марьиной Роще, под Новинским, - они пели и плясали публично на эстрадах, как для благородных особ, так и для "подлых людей". Цыганским пением увлекались не одни только подпившие гуляки: знаменитая певица Каталани восхищалась пением цыганки Стешы, прозванной Свиньиным, в честь ее, русскою Каталани; Лист и другие музыкальные светила посещали московские таборы и восхищались цыганским пением.

Вот как один из современников описывает места цыганских становищ в Москве и пение цыган:

"Если вы, катаясь по Москве, заедете в Грузины и Садовую, то в маленьких, неопрятных домах увидите расположенные таборы цыган. Они среди шумного, образованного города ведут ту же дикую буйную жизнь степей; обмены лошадами, гаданья, музыка и песни, вот их занятия. Любопытно видеть, когда ночью молодежь, преимущественно из купцов, подъехавши к маленькому домику, начинает стучать в калитку. В то же мгновение огоньки метеорами начинают блестеть в окнах, и смуглая, курчавая голова цыгана выглядывает из калитки. На слова кучеров: встречайте, господа приехали! цыган с хитрою, довольною улыбкой отворяет ворота и, величая всех поименно, произносит иногда имена наудачу, желая тем показать свое внимание к посетителям. Вы вошли в комнаты и уже слышите аккорды гитары, видите, с какою живостию цыганки набрасывают на себя капоты, блузы и пестрые платки; там под печкою цыган ищет свои сапоги; в одном углу разбуженный цыганенок, вскочив, спешит поднять своих собратьев, а в другом старая цыганка, прикрыв люльку, собирает изломанные стулья для хора, и в пять минут весь табор поет, стройный, веселый, живой, как будто никогда не предавался обычному отдохновению тихой ночи. Разгульные песни цыган можно назвать смещением стихий; это дождь, ветер, пыл, и огонь- все вместе. Прибавьте к тому: сверкающие глаза смуглых цыганок, их полуприкрытые, часто роскошные формы, энергическое движение всех членов удалого цыгана, который поет, пляшет, управляет хором, улыбается посетителям, прихлебывает вино, бренчит на гитаре и, беснуясь, кричит во все горло; сага баба, ай люди! Ничто не располагает так к оргии, как их буйные напевы; если горе лежит у вас камнем на сердце, но это сердце еще не совсем охладело к впечатлениям жизни, то свободная песнь цыган рассеет хоть на минуту тоску вашу" (П. Вистенгоф. Очерки московской жизни. М. 1842).

Это был русский романтизм. И натуры, такие ли, как Елецкий ("Цыганка" Боратынского), или